

обращеннаго женофоба за интересной кокеткой; Щепкинъ сейчас же углубился въ самый процесс обращенія женофоба въ селадона и эту психологическую задачу сдѣлалъ центромъ своего исполненія.

На примѣръ роли Эзопа мы уже видѣли, какъ удавалось Щепкину освѣщать разладъ чувства съ внѣшнимъ его выраженіемъ. Совершенно ту же черту въ его игрѣ отмѣчаетъ рецензентъ *Сѣверной Пчелы* въ водевилѣ кн. Шаховскаго „Посященіе принца“. Щепкинъ изображалъ банкира, сердитаго на своего племянника, котораго онъ никогда не видалъ. Племянникъ является къ дядѣ подъ видомъ принца. Банкиръ принимаетъ высокую особу со всѣмъ почетомъ, при чемъ „низкіе поклоны и раболопные знаки уваженія перемежаются у него съ вспышками плохо скрываемой досады на племянника“. Здѣсь-то, по отзыву рецензента, развернулся во всемъ блескѣ талантъ Щепкина: „сія противоположность душевныхъ движеній съ наружными изъясненіями самаго высокаго почтенія“ какъ нельзя лучше была выражена Щепкинымъ ¹⁾.

Въ роли Арнольфа въ „Школѣ женщинъ“ Мольера Щепкинъ, очень любившій эту роль, приводилъ въ восхищеніе самыхъ строгихъ своихъ критиковъ. И по описаніямъ его игры въ этой роли можно видѣть, что и здѣсь онъ плѣнялъ зрителей сложностью и пестротой развѣтываемаго имъ психологическаго рисунка. Нѣкоторые актеры, пишетъ рецензентъ *Сѣверной Пчелы* ²⁾, дѣлаютъ изъ Арнольфа недалекаго простака, котораго легко одурачить. Щепкинъ выдвигалъ гораздо болѣе сложную и потому болѣе интересную концепцію. Его Арнольфъ былъ умный, образованный, пылкій человекъ, но чудакомъ, теоретикъ, желающій выполнить планъ, занимающій его воображеніе. „Въ переломѣ страстей, въ быстрыхъ переходахъ отъ гнѣва къ спокойствію, отъ радости къ отчаянію, отъ умиленія къ бѣшенству, онъ превзошелъ всѣ ожиданія; невозможно опредѣлить всѣхъ жестовъ и движеній Щепкина, это — сама натура въ пылу страстей“. Такъ писалъ рецензентъ, склонный вообще отмѣчать недостатки и пробѣлы въ игрѣ Щепкина. Въ другой

¹⁾ *Сѣверная Пчела*, 1828 г., № 71.

²⁾ *Ibid.*, 1828 г., № 63.